

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.35.0

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-157-178

**АБДУЛ ПШЕНОКОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ М.Ш. НУРИМАНОВОЙ****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. Предлагаемые материалы представляют собой ранее не публиковавшиеся воспоминания о деятеле науки и культуры Кабардино-Балкарии начала 30-х годов XX века Абдуле Каншаовиче Пшенокове. Воспоминания были написаны в 1958 году супругой А.К. Пшенокова, М.Ш. Нуримановой, и охватывают период с 1932 по 1937 годы. Повествованию М.Ш. Нуримановой предпослана вступительная статья, в которой содержится краткий очерк жизни и деятельности А.К. Пшенокова, а также комментарии, касающиеся отдельных имен, дат и событий, упоминаемых ею. Через короткий временной отрезок, отраженный в данном материале, восстанавливается психологический портрет А.К. Пшенокова, круг его научных интересов, поступательность творческого становления, детализируются факты биографии, описываются события в жизни республики тех лет. К работе привлечены снимки, публикуемые, за единственным исключением, впервые. Текст воспоминаний приводится с незначительными сокращениями.

Ключевые слова: Абдул Пшеноков; Марьям Нуриманова; культура; политические репрессии; воспоминания; биография.

ABDUL PSHENOKOV IN M.Sh. NURIMANOVA's MEMORIES**I.A. KAZHAROVA**

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The proposed materials refer to previously unreleased memoirs about one of the leading figures in science and culture of Kabardino-Balkaria in the early 1930s, Abdul Kانشaovich Pshenokov. Memoirs were written in 1958 by his wife M.Sh. Nurimanova, and cover the period from 1932 to 1937. The narrative of M.Sh. Nurimanova is preceded by an introductory article, which contains a brief description of A.K. Pshenokov's life and activities, as well as comments related to the individual names, dates and events mentioned by memoirist. Through the short period

of time, reflected in this material, one may reconstruct the psychological portrait of A.K. Pshenokov, the range of his scientific interests, the progress of creative development, details of the facts of his biography as well as the events in the life of the republic of those years. The work includes images, which are published here, with one exception, for the first time. The text of the memoirs is given with small shortenings.

Key words: Abdul Pshenokov; Maryam Nurimanova; culture; political repressions; memories; biography.

Поэт, прозаик, литератор, лингвист, переводчик, собиратель фольклора, – в деятельности Абдула Каншаовича Пшенокова (1907-1937) проявление всех направлений, без которых невозможно полноценное развитие письменной культуры. О том, насколько яркими были его способности, и насколько они были востребованы временем, говорит хотя бы то обстоятельство, что в 27 лет ему было доверено возглавить Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

В это время даже относительная обособленность научной работы от «насуточных потребностей области» была немислима, и в случае с КБНИИ вся научная деятельность определялась «первоочередными задачами в развитии области» [Мамбетов 1976: 32]. В 1934 году Абдул Пшеноков принимает дела Института, в котором действуют три сектора: языка, литературы и искусства, истории и производительных сил, а его коллектив нацелен «на более углубленное изучение истории, культуры, языков и экономики народов Кабардино-Балкарии» [Мамбетов 1976: 32]. Пришедший к руководству профессиональный филолог не просто грамотно направляет и контролирует разноплановую, комплексную работу, а становится одним из главных ее участников. Надо заметить, что до того момента он уже успел зарекомендовать себя на уровне просвещения и литературного творчества. Интенсивность его культурно-просветительской деятельности, которая протекала параллельно с учебной в столичном вузе, даже в контексте возможностей нынешнего времени представляется невероятной. Приезжая на каникулы в родную республику, он трудился преподавателем на курсах повышения квалификации учителей, редактором при Госиздате, составлял хрестоматии и учебники, разрабатывал вопросы кабардинской грамматики, писал и переводил художественные произведения, некоторые его стихи уже вошли к тому времени в первый коллективный сборник кабардинских поэтов. Его современник, зачинатель кабардинской критики Джансох Налоев, оценивая литературу Кабардино-Балкарии 20-30-х гг., особо выделял «из группы молодых поэтов творчество тов. Пшенокова Абдула». Признавая, что «Пшеноков сумел внести ряд существенных моментов новизны в структуру кабардинского стиха» [Налоев 2005: 131] благодаря глубокому знанию мировой и русской поэзии, ее пролетарских образцов. Дж. Налоев искренне досадовал, «что количество овеванных молодостью и нежностью стихов ничтожно и поэт занимается поэзией не систематически» [Налоев 2005: 132].

Сведения о жизни и творчестве Абдула Пшенокова, так же как и о других деятелях Кабардино-Балкарии, уничтоженных в период репрессий 30-х годов,

носят ограниченный характер. В истории культуры они занимают обособленное место: они были первыми и уже в этом их значимость очевидна. Однако полноценное восстановление творческого наследия, на котором базировалась эта значимость, маловероятно, тем более маловероятно развернутое представление об их личностях. То и другое доступно сегодня только в усеченном виде. Как правило, в нашем распоряжении оказывается лишь то, что успело быть опубликовано при их жизни в периодической печати и немногочисленных коллективных изданиях, сюда же примыкают хранящиеся в архивных фондах отдельные рукописи, появлявшиеся на этапах подготовки коллективных изданий. Судьба рукописей, изымавшихся при арестах, покрывалась тайной, а все, что не успевало попасть в распоряжение карающих органов, спешно уничтожалось, гораздо реже – скрывалось ближайшим окружением арестованных. Поэтому избыточно говорить о том, насколько ценны любые дополнения, касающиеся их жизни и творческого наследия.

Факты творческой биографии, которые содержатся в современных биобиблиографических изданиях, основаны на тех источниках, которые мы только что перечислили, а также на немногочисленных очерках, появившихся после реабилитации и по содержанию строго соответствующих с идеологическими ожиданиями эпохи.

Первый очерк о жизни и литературном наследии Абдула Пшенокова принадлежит Екатерине Машитловой (1937-1981), труды которой заслуживают отдельного, обстоятельного разговора, здесь же лишь скажем, что Е. Машитлова остается единственным исследователем, собравшим и систематизировавшим сведения о кабардинских писателях раннесоветского периода. В книге это не оговорено специально, но большая часть отобранных ею персоналий – представители писательской плеяды, жизнь которой оборвалась в 1937 году. Ни до нее, ни после работ подобного рода не появлялось. Название ее сборника – «Япэ лъэбакъуэ зычахэр» (1968) (в дословном переводе «Сделавшие первый шаг») – прямая отсылка к вышедшему в 1933 году сборнику произведений кабардинских писателей «Первый шаг», изданию, ставшего символом вступления в иную художественность, возникшую на гребне нового общественного строя. Исследовательский взгляд Е. Машитловой охватывает не всех, но многих деятелей периода 20 – 30-х гг. В сборник вошли биографии писателей и подборки их произведений. Подготовленные Е. Машитловой материалы были опубликованы с развернутым предисловием и под редакцией А. Шортанова.

В научном архиве Института, с которым связано имя Абдула Пшенокова (ныне Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН), хранятся материалы, вошедшие в книгу «Сделавшие первый шаг»: индивидуальная папка по каждому автору, и на их обложках уточнение – «Собрала Машитлова». В этом же архиве хранятся и воспоминания об Абдуле Пшенокове его супруги, Марьям Шакировны Нуримановой [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 1-20]. Записка, предваряющая текст воспоминаний, свидетельствует о том, что они были запрошены И.В. Тресковым, известным исследователем северокавказской литературы, бывшим в свое время научным

секретарем института. Факты, на которые опирается в своем очерке Е. Машитлова, позволяют утверждать, что они почерпнуты из текста этих воспоминаний. По какой причине воспоминания М. Нуримановой об Абдуле Пшенокове до сих пор оставались неопубликованными, не известно. Но можно с большой долей уверенности сказать, что если бы Е. Машитловой была отпущена более долгая жизнь, путь этих воспоминаний к читателю уже давно был бы преодолен.

Сколь бы упорядоченными ни были факты творческой биографии, которыми мы располагаем сегодня, разглядеть за ними личность, благодаря которой эти факты осуществлялись, не просто: утрачивается живое восприятие среды, из которой выростала эта личность. Свою роль играет также сопряженность творчества с потребностями конкретной эпохи. В случае с писателями обозначенной плеяды она настолько прочна, что возникает впечатление предсказуемости всего, что еще может быть с ними связано. Так возникает некий заслон, который не дает подойти к ним близко, всмотреться в их лица.

По тексту воспоминаний М. Нуримановой сразу определяется ритм, в котором жил этот человек. Уроженец селения Куба, выпускник Ленинского учебного городка, Абдул Пшеноков отправился в столицу в 1930, поступил на литературный факультет Московского государственного педагогического института (ныне Московский педагогический государственный университет), окончил его досрочно, так же, как и аспирантуру при Институте языка и письменности народов СССР (в 1933 – 1936 именовавшегося «Научно-исследовательский институт национальностей ЦИК СССР»), – оба этапа в течение четырех лет. Как пишет М. Нуриманова, работа в НИИ родной республики была одной из многих перспектив, но для А. Пшенокова самой желанной.

В 1935 году он занимается вопросами создания алфавита на русской графической основе и параллельно – своей кандидатской. В период его руководства осуществляется масштабная работа по сбору фольклорного материала, часть из которого была отобрана для книги «Кабардинский фольклор», вышедшей в московском издательстве «ACADEMIA» в 1936 году. Во вступлении от редакции А. Пшеноков упоминается среди собирателей фольклора и как один из тех, кто оказывал бригаде московских поэтов-переводчиков большую помощь «в раскрытии неясных мест и в толковании архаизмов» [Кабардинский... 1936: 7]. Этот период интересно отражен также по тексту воспоминаний. Параллельно он издает хрестоматии по литературе на кабардинском языке (т. I, т. II) [УЦГА АС КБР. Ф. 276. Оп. 1, 2. Д. 64, 65], а для этого прделывает серьезную работу по переводу произведений русских классиков.

Даже то небольшое из его художественных опытов, что дошло до наших дней, позволяет судить о необычности дарования А. Пшенокова. Как замечает А. Шортанов, из ряда его поэтических произведений, в которых преобладает предметная образность, неизбежная в современную ему эпоху и вместе с нею же утрачивающая актуальность, в его творчестве проступают черты,

побеждающие время. Так же, как некогда Дж. Налоев, А. Шортанов восхищается находками А. Пшенокова в области лирической поэзии. Как пример многообещающей выразительности он приводит фрагмент переведенного стихотворения «Прощай»: «На вопль бессильный – / Ложится молчанье / Плитой могильной». «Таких стихов адыгская поэзия еще не знала. Нам не известно, как они звучали на кабардинском, но вслушиваешься в них с восхищением», – замечает исследователь, и продолжает: «Можно предположить, что Пшеноков осознавал, что кабардинская поэзия становится односторонней, что она постепенно (через однотипные стихи) превращается в трафарет общих тем и «разжевывания» этих тем. В конце концов, такая поэзия или дошла бы до самоубийства и была бы отвергнута читателем, или должна была найти какой-то выход. Таким выходом является лирика» [Сделавшие... 1968: 42].

Помимо фольклорного сборника, институт в период руководства А. Пшенокова ведет работу «по изданию русско-кабардинского и кабардино-русского словарей; по подготовке и проведению диалектологических экспедиций в 1935 году; по подготовке к выпуску первого тома «Известий КБНИИ» к 17-й годовщине Октября» [Мамбетов 1976: 32].

Если сопоставить даты, представляется невероятным то, что в 1937 году на страницах Большой советской энциклопедии публикуется статья «Кабардино-Балкарская литература» [Кабардино-Балкарская... 1937: 418-419], написанная А. Пшеноковым и Михаилом Евгеньевичем Талпой. Том, в котором содержится статья, был сдан в производство 8 июля 1936 года, подписан к печати 15 февраля 1937 года. Абдула Пшенокова арестовали несколькими днями раньше – 9 февраля, Михаила Талпу – 9 мая 1937 года.

Абдул Пшеноков был «обвинен в том, что являлся участником контрреволюционной организации, ст. 58 – 10 ч.2, 58 – 11 УК РСФСР. Постановлением Военной коллегии ВС СССР от 25 июля 1937 г. приговорен к расстрелу.

Расстрелян 25 июля 1937 г.

Реабилитирован 27 июля 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР. АУД № 3049-П» [Книга памяти... 2009: 371].

Наверное, единственное заметное событие по увековечиванию памяти Абдула Пшенокова – это звезда с его именем на Аллее славы, созданной в мае 2017 года на территории Дома культуры селения Куба.

Воспоминания его вдовы появились через год после реабилитации, в мае 1958. Двумя месяцами раньше М. Нуриманова обращается к председателю Союза писателей КБАССР, о чем свидетельствует письмо, хранящееся в Центре документации новейшей истории архивной службы КБР: *«Ваш земляк, мой покойный муж, Пшеноков Абдул Каншаевич – писатель-поэт, горячо любящий свою родную Кабарду и ее талантливый трудолюбивый народ, свою короткую жизнь посвятил беззаветному служению, просвещению своего народа. В 1934 г., после окончания аспирантуры при литературном факультете Московского педагогического института (бывш. Бубнова) вернулся в Нальчик и работал*

директором научно-исследовательского института. Кандидат в члены КПСС, член Президиума Союза советских писателей КБАССР.

9 февраля 1937 г. Абдул был арестован. 25 июня 1937 г. был приговорен к 8 годам лишения свободы и сослан.

10 августа 1938 умер.

27 июля 1957 г. посмертно реабилитирован. Умер во цвете лет, не раскрыв полноценно свои дарования.

10 августа 1958 г. – 20 лет со дня смерти Пшенокова А.К. Может, вы сочтете нужным и возможным отметить годовщину смерти безвинно пострадавшего патриота. Собрать и издать его поэзию и прозу. В периодической печати (литературе рус. Москов.) и в местной печати наверно сохранились его литературные труды, да видимо, есть в архиве КГБ при СМ КБАССР. Из Москвы к ним переслано архивное дело Пшенокова, нет ли там предсмертных записок, дневников и т.д.

О своем решении, надеюсь, известите меня.

С уважением к Вам, вдова покойного, Нуриманова Марьям Шакировна.

1 марта 1958 г.

Ташкент

Собира-Рахимова 63» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 693. Оп. 1. Д. 403. Л. 33-34].

В левом верхнем углу письма стоит не вполне разборчивая резолюция: «12/III 58 г. Ответ дан» (или «дать», скорее первое), и подпись. О том, какое решение было принято, нам неизвестно, но возможно, отправленные вскоре В.И. Трескову воспоминания были как-то связаны с планами почтить память А.К. Пшенокова. Очевидно одно: никаких отдельных изданий, связанных с его именем, так и не появилось.

М. Нуриманова пишет воспоминания спустя двадцать лет после трагических событий – срок немалый. Однако большая часть повествования убеждает в том, что для нее они присутствуют в настоящем времени. Современнику, несомненно, будут интересны подробности о культурной жизни республики того периода. Все факты и одухотворяющий их образ дорогого ей человека она описывает с бесконечной бережностью к деталям. М. Нуриманова возвращает нам характер А. Пшенокова, его интонацию. Здесь не только этапы биографии культурного деятеля, но история личного счастья, история высоких устремлений и их трагический, бесчеловечный финал. Как пишет сама М. Нуриманова в предваряющем воспоминания вступлении, «...воспоминания о Пшенокове А.К. не являются официальной докладной запиской. Я изложила факты. В них общественное сочетается с интимным» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 1].

Текст воспоминаний мы приводим с незначительными сокращениями. Орфография М. Нуримановой, в том числе несколько своеобразное написание отдельных имен, оставлены без изменения. Некоторые вопросы способны вызвать только очевидные расхождения в сведениях. И об этом надо сказать отдельно.

Так, не могут не обратить на себя внимание сведения об отце А. Пшенокова, Каншао. Короткой информации, которая промелькнула в тексте воспоминаний, достаточно, чтобы поставить под сомнение крестьянское происхождение писателя, хотя во всех доступных нам источниках фигурируют формулировки «крестьянское происхождение», «из крестьян-бедняков». Между тем, передавая рассказ своего будущего супруга о его семье, М. Нуриманова упоминает, что «его отец Каншаол до революции был управляющим имения князя» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 103. № 1114. Л. 3]. Четырежды вступал в брак, поскольку рождались только дочери, а он мечтал о наследнике. Разумеется, ни то, ни другое крестьянин-бедняк позволить бы себе не смог. Вместе с тем понятно, что указание в анкетах на социальную принадлежность, даже немногим более «высокую», нежели крестьянская, не сулило ничего хорошего, и можно предположить, что случаи сокрытия информации представителями интеллигенции были нередкими.

Небольшая деталь, заслуживающая уточнения – сведения о матери А. Пшенокова. Доподлинно известно, что ею была карачаевка по имени Марджан. В тексте М. Нуримановой фигурирует имя Марьям.

На этом же отрезке повествования есть еще один момент, который задерживает внимание. Это имя младшего брата Абдула. В воспоминаниях М. Нуримановой указывается Махмуд, в то время как в рассказах потомков звучит имя Тамаша. Это же имя выгравировано на одной из памятных звезд Аллеи славы селения Куба. История смены имени проясняется со слов его дочери, Раисы Тамашевны.

Каншао Пшеноков был человеком довольно обеспеченным, владел добротным магазином, товарными складами. В надежде противостоять незаконному раскулачиванию, пытался отстаивать свои права, что и привело к его скоропостижной кончине: после сильного потрясения трое суток промучился головной болью, а на четвертые его не стало. Двоих несовершеннолетних детей, Махмуда и Мораль, приютили родственники Каншао. Девочка постепенно прижилась в новой семье, а Махмуд, не находивший себе места от тоски, решил в тайне ото всех отправиться к своей старшей сестре Лине, которая после замужества проживала в селении Карагач. Выбившийся из сил после долгого пути ребенок очутился в незнакомой местности. Обнаружившие его люди отвели Махмуда на колхозную ферму. Это было селение Психурей. К счастью, на ферме нашелся человек, который узнал в измученном ребенке младшего сына Каншао Пшенокова. Выслушав рассказ Махмуда, тот пообещал отправиться с ним в Карагач, к Лине, правда, с оговоркой, что прежде надо будет как следует отдохнуть, съездить в Пятигорск, чтобы приобрести для Махмуда хорошую одежду, а затем уже можно и к сестре. Гузер Бесланев, таким образом взявший под опеку младшего сына Каншао, собственных детей не имел, а появление этого мальчика воспринял как милость, явленную свыше. Гузер и его супруга Хузиза окружили Махмуда вниманием и лаской. В обещаниях скорой поездки проходил день за днем, но мальчик, привыкший к новой семье, уже перестал рваться к Лине.

С приходом осени необходимо было отправить Махмуда в школу, и женщина, заменившая ему мать, стала упрашивать супруга дать мальчику их фамилию. Гузер же, убежденный в том, что было бы преступлением лишить пострадавшего ребенка родной фамилии, на такой шаг не решился, зато уступил ее просьбам поменять хотя бы имя (до того момента все звали его подомашнему, Пата). Желая, чтобы приемный сын снискал в своей жизни высокий почет, она предложила назвать его в честь Тамаша Коцева, уважаемого человека из селения, откуда сама была родом. Так Махмуд стал Тамашей. (Уместно упомянуть, что Тамаша Коцев, о котором идет речь, коннозаводчик, старшина селения Бабуково (ныне Сармаково) – отец Пшемахо Коцева, председателя правительства Горской республики. Был расстрелян в 1927 году вместе с сыном Асланмурзой [Политические... 2017: 396]).

В очередной приезд из Москвы А. Пшеноков навещал семью Гузера, поклялся, что до конца своих дней будет чтить его как родного отца. Он намерен был забрать Тамашу с собой в Нальчик. Видя смятение Гузера и Хузицы, твердо пообещал им, что их сын вернется в селение учителем. Отправившись в город, братья прежде всего подали документы Тамаша в Педагогический институт. В этот же день Абдул предложил зайти в фотоателье: «Будешь потом смотреть на свое фото, и на сердце будет становиться веселее».

Учеба Тамаша в Педагогическом институте продлилась недолго. На утро после ареста Абдула, в комнату общежития, где жил Тамаша, ворвался один из его преподавателей (имя, к сожалению, нам не известно), стал спешно собирать своего студента в дорогу; сбивчиво рассказав о случившемся, добавил, что отправляет его к своему коллеге, подальше от беды; посадил в фургон какого-то грузовика, вручил письмо, сообщив, кому Тамаша должен его отдать по прибытии в Орджоникидзе. Сказал, чтобы не возвращался, пока сам Абдул не даст о себе знать.

Прибыв в Орджоникидзе, юноша долго ждал вестей от брата. Разумеется, все это время фотография была с ним. Доставая ее в минуты уединения, Тамаша часто плакал над ней, пока, наконец, люди, у которых он остановился, не заметили: «Брата своего тебе уже вряд ли доведется увидеть, так хотя бы не порти то единственное, что осталось в память о нем». Тамаша Пшеноков окончил в Орджоникидзе Горскую школу механизации сельского хозяйства. В годы Великой Отечественной воевал на Ленинградском фронте. В 1942 году был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Погиб в 1944.

Возвращаясь к событиям, о которых упоминает М. Нуриманова, мы должны заметить ошибочное указание ею даты поездки А. Пшенокова к академику Н.Я. Марру – 1935 год. Как известно, академик скончался в 1934, до этого год находился в тяжелом состоянии.

Абдул Пшеноков с младшим братом Тамашей.

Также обращает внимание дата смерти А. Пшенокова, фигурирующая в воспоминаниях и в письме, приведенном выше, – 10 августа 1938. Единственное объяснение заключается в том, что от близких утаивалась информация, их намеренно вводили в заблуждение.

Настоящие материалы дополнены несколькими фотографиями. Все снимки, за исключением того, на котором запечатлен творческий коллектив академического издания «Кабардинский фольклор», – из семейных архивов Риммы Нажмудиновны Пшеноковой и Замира Мусовича Пшенокова, внучатого племянника Абдула. Нам видится редкостной удачей существование фотографии, на которой запечатлены Абдул и Тамаша Пшеноковы, ибо память о человеке, которому предъявлялось обвинение по 58 статье, как и любое иное свидетельство связи с обвиняемым, оборачивались реальной угрозой для жизни родственников и близкого окружения, потому все возможные свидетельства связи либо тщательно скрывались, либо попросту уничтожались. Не меньшую ценность представляет для нас снимок, на котором запечатлен автор воспоминаний, Марьям Шакировна Нуриманова, ибо связь с нею и с ее потомками до настоящего времени остается оборванной. Единственное, что удалось нам узнать о ней со слов Раисы Тамашевны, что Марьям с трехлетней дочерью удалось тайно покинуть Кабардино-Балкарию, добравшись на товарном поезде до Астрахани, а оттуда переправившись в Ташкент. В республику она вернулась в 1965 году, и даже надеялась остаться, но дочь была категорически против, поскольку не хотела возвращаться туда, где ее лишили и отца, и возможности жить на родной земле. Единственный снимок, который оказался в нашем распоряжении, был сделан именно тогда.

Мы выражаем благодарность Замиру Мусовичу Пшенокову и его супруге Луизе, без содействия которых восстановление многих звеньев в истории семьи Абдула Пшенокова оставалось бы невозможным.

Воспоминания о дорогом, но безвременно ушедшем друге

<...> При общежитии Московского педагогического института, где я училась, был свой каток. После занятий вечера проводили большей частью на катке. Иногда выезжали на городской каток, тогда катались под музыку.

18 февраля 1932 года, готовясь к очередному выезду на каток, я надела широкую юбочку, нацепила коньки и перед зеркалом хотела посмотреть, как развивается юбочка, но как-то случайно сделала резкий поворот и, как подстреленная, рухнула на пол. Нестерпимая боль в правой ноге. Не зная, почему я упала, подруги смеются. Мне больно, я плачу... Оказывается, дело серьезное: вывих коленной чашечки и порвана связка.

Больная нога на несколько месяцев приковала меня к постели и поставила в зависимое положение от окружающих, т.к. на костылях не могла двигаться по лестницам (жила я на втором этаже). При помощи палочки двигаться было больно, да и врачи не разрешали.

Один из апрельских дней. Все мои однокурсницы на политехнической практике. Покушать мне не оставили. Я проголодалась. Решила проверить свои силы, сходить в столовую. В столовой встретила нашего уфимского (т.е. земляка) Еникеева Гильми (Гильмитдина), студента II курса литературного факультет МГПИ, с ним был его товарищ по курсу и по комнате. Гильми нас представил друг другу, говорит: «Мавр, познакомься, твоя будущая Дездемона». Он представился: «АКП», т.е. Абдул Каншаевич Пшеноков (полное имя Абдул-Гамид).

«Дети разных народов», Абдул кабардинец, я татарка, были полнейшими противоположностями, контрастами во всем.

Он брюнет с черными, вьющимися волосами. Густые мохнатые брови и ресницы, густая, черная во все лицо борода и усы. <...> Темные (очень внимательные и все видящие) продолговатые глаза. Говорят, «глаза зеркало души», у него действительно по глазам можно было как по открытой книге прочитать, что творилось в душе: во время радости они горели, излучали искры, в часы недовольства грустные, без блеска, принимали цвет темного гранита и т.д.

<...> Абдул довольно часто заходит в нашу комнату поболтать. Оказывается, он переехал в наше общежитие (Усачевка, 64), нашел общий язык со всеми жильцами 54-й комнаты. Интересный собеседник, находчив, остроумен. Речь с легким кавказским акцентом, голос мягкий, приятный, негромкий. Девочкам он понравился. С Зоей Горбачевой (моей однокурсницей) говорит как средневековый рыцарь с дамой сердца, специально подбирает стихи и цитаты из рыцарских романов. С Идой (Антонидой) Павловой беседует как великосветский повеса. Мне уделяет мало внимания. Справится о здоровье, спросит, в чем я нуждаюсь, носит художественную литературу, заберет прочитанные книги, оставит новые, вот и все.

Однажды он преподнес ветки кавказской мимозы. Сам растерялся, смутился, растерялась и я. Девочки заметили. Иронизируя, Ида

продекламировала: «Она меня за муки полюбила». Абдул отпозировал: «А я за состраданье к ним». <...>

Июнь 1932 г.

Абдул очень любил природу, во все времена года. По выходным и свободным дням выезжали за город. Изучали окрестности Москвы, любовались природой. Во время одной такой прогулки рассказал автобиографию. Родился в 1907 г. в селении Куба, отец Каншаол до революции был управляющим имения князя (какого не знаю), человек с байскими феодальными замашками. Был женат четырежды, т.к. первые три жены не рожали сыновей. Последний раз женат на балкарке по имени Марьям (моя тетка), очень красивой 16-летней девушке (в каком году не знаю). Моя тетка принимала участие на смотринах (выставке) красавиц Востока в Анкаре и получила приз красоты, а впоследствии ее фотокарточки продавались во всех киосках. Мать Абдула осчастливила Каншаола, родила троих сыновей (Абдул-Гамид, Ноос-Мутдин, Махмуд и дочь Мораль). Но старому Каншаолу не довелось выводить своих отпрысков в люди, он умер, когда дети были еще совсем маленькими. Умерла и жена. Детей воспитывала общая сестра – Шаша (от первого брака).

В дальнейшей судьбе Абдула большое участие принял Б. Калмыков. Они друг друга любили крепко. Абдул называл его отцом. Во время одной поездки в Кубу Бетал встретил кудрявого пастушонка, привез в Нальчик, устроил в Ленинской школе (или училище) и пока Абдул был жив, Бетал справлялся о его успехах, радовался за него, подбадривал его, но когда выходил из повиновения, ругал его немилосердно.

Абдул, Нажмудин, Тамаша (Махмуд)
Пшеноковы

Любимой учительницей Абдула была Лидия Николаевна Воробьева. Завуч первой школы. Впоследствии я работала под ее руководством. Лидия Николаевна гордилась своим учеником, говорила про него – умница, молодец и т.д., восхищалась его способностями. Это она привила ему любовь к русской литературе и к русской культуре.

Лето 1932 г.

Кончился учебный год. Мы оба стали на курс старше, т.е. третьекурсники. Долго упрашивал меня ехать с ним в Нальчик, но я решила поехать в Уфу к знакомым.

В Нальчике его ожидали дела, очень торопился с выездом, но решил, не проводив меня, не выезжать. В конце июня меня с Идой проводил в Уфу. <...>

Прощаясь со мной, он дал слово, что будет писать письма каждый день (несомненно, он был хозяином своего слова, воспитывал у себя точность,

аккуратность во всем). Слово, данное на прощание, он сдержал, и, действительно, писал каждый день, в конце работы, как отчет о проведенном дне.

Летом 1932 он не отдыхал. Работал на курсах повышения квалификации учителей, преподавал русский язык (кабардинцам). Работал редактором при Госиздате, писал «Книги для чтения», хрестоматии для кабардинских школ. Очень скучал по мне. Умолял возвратиться раньше времени в Москву. Я работала в Уфе воспитательницей в детдоме и раньше 28 августа выехать не могла. Встретились 1 сентября. Абдул привез гостинцы, кабардинские яблоки. Яблоки ели всей комнатой целую неделю. По-кабардински Абдул был щедр.

До декабря встречались очень редко. Занимались в разных учебных корпусах, он на Пироговской в главном корпусе, я на Усачевской ул. в разных сменах, жили в разных общежитиях, в различных концах Москвы. В этот период жизни писал главным образом стихи, лирические, посвященные метростроевцам, строителям города Комсомольска, ДнепроГЭС и т.д., делал подстрочные переводы, читал их или рассказывал содержание. Собирался досрочно закончить литфак, много времени уделял учебе, проходил педагогическую практику и только по выходным дням мы посещали театры, кино, концерты, бывали в музеях и на выставках, бродили по бульварам, скверам. Абдул очень любил искусство, знал и понимал музыку, был моим постоянным консультантом.

Декабрь 1932 г.

Окончен еще один семестр. Сданы зачеты. Я решила съездить на экскурсию в Ленинград, получила стипендию. Закупили железнодорожный билет по литеру, за несколько часов до отхода поезда мой билет, литер и деньги пропали из тумбочки в комнате. Я осталась на бобах. Кто подстроил эту злую шутку, так я и не дозналась, ни тогда, ни потом.

В тот же день студенты кабардинцы уезжали в Нальчик, и Абдул предложил мне ехать с ним. 1 января 1933 г. мы прибыли в Нальчик и остановились у его дяди (по отцу) Хоцу. Абдул представил меня как жену, хочешь не хочешь отпираться было поздно и пришлось дать согласие на брак.

3 января 1933 Хоцу пригласил своих друзей, и справили кабардинскую свадьбу. Хоцу живет в Вольном ауле, рядом с лесом, несмотря на холода и снег, каждый день мы бродили по лесу, кабардинскому парку (так как больше некуда было ходить, и нечем было заняться). Иногда забирались далеко. Собирали мороженые шишки, дикие яблоки, груши и ели, а потом усталые, озябшие возвращались домой, и голодные набрасывались на пищу.

10 января «свадебное» путешествие окончено, и мы снова в Москве.

Январь – апрель 1933 г.

Первые месяцы семейной жизни, но его нет. Продолжаем жить в различных частях большого города. Встречаемся редко. За это время Абдул досрочно окончил литфак педагогического института и оформился в аспирантуру при Институте языка и литературы (институт находился в одном

здании с политехническим музеем, точное название забыла). Выбрал тему диссертации «Грамматика кабардинского языка». Заключил договор с Кабардинским ОблОНО на составление учебников для кабардинских школ и в апреле выехал в Нальчик. Я осталась завершать третий курс.

Лето 1933 г.

2 июля Абдул встретил меня на станции «Прохладный». Итак, я снова в Нальчике. Вначале жили в помещении шестой начальной школы. Потом переехали в новый дом (по ул. Степной) в новую квартиру на втором этаже, целая секция. Мебели нет, из ОблОНО одолжили кровать, стол и три табуретки. И нас трое: Абдул, я и моя мама.

Абдул вставал с рассветом, когда мы еще спали, и начинал работу, делал небольшой обеденный перерыв, и продолжал до 7 – 8 ч. вечера. Вечером обязательно совершали прогулку в парк, и снова до часу ночи.

Я знала, что он очень трудолюбивый, усидчивый, но с такой страстью к работе я сталкивалась впервые, работа поглощала его настолько, за работой он часто забывал обо всем на свете.

В результате такой напряженной работы заболели глаза, воспалились веки. Единственный способ лечения – предлагали длительный отдых, а он не мог воспользоваться им, по рукам и ногам был связан договором, к тому же приближался учебный год, надо было вовремя обеспечить школы учебниками. <...>

Единственным светлым пятном можно считать поездку в Пятигорск и Кисловодск, но эта поездка была не ради развлечения. В Пятигорске жил его учитель, профессор Борукаев (языковед). Абдулу надо было у него консультироваться по вопросам хрестоматии по литературе и грамматике.

Жена Борукаева Шура познакомила меня с Пятигорском, а мужа работали. А в Кисловодске работал дядя Хоцу, мы его не видели с января, не повидавшись с ним, я не хотела уезжать в Москву. Весь день экскурсировали по Кисловодску, ночь провели в разговоре, а утренним поездом выехали в Нальчик, но до чего мне осточертела праздная жизнь в Нальчике, я стала капризничать, ныть и тогда (20 августа), т.е. на целую неделю раньше времени, он вынужден был отправить меня в Москву. <...>

Зима 1934 г.

9 января 1934 г. у нас родилась дочь. Вечером в палату заходит няня и говорит: «Милочка, черкни пару слов своему чудачку, третьи сутки в приемной дежурит, говорю, иди, мил человек, все хорошо, девочка крепкая, здоровая, скоро за папой побежит. Не верит. Сидит и пишет».

Молодой папаша на редкость оказался заботливым, внимательным, любящим. За время пребывания в больнице засыпал фруктами, продуктами, принес даже живые цветы (в январе месяце), на черном рынке купил атласное детское одеяло, приобрел все необходимое для младенца. Уходил и по несколько раз возвращался. Оставлял записки, передачи, короче говоря, только не ночевал в клинике, т.к. ему этого не разрешали.

Бегал по Наркомпросу, от кабинета одного зама к другому, ходатайствовал, добивался комнаты, и благодаря вмешательству кабардинского представительства предоставили комнату в Останкино, в студенческом городке, в корпусе аспирантов.

21 января «крестная мать» и Абдул перевели нас в нашу комнату.

Абдул сам выбрал имя для девочки (Нелля) и зарегистрировал в ЗАГСе. <...>.

Весна, лето 1934 года.

К апрелю 1934 г. Абдул сдал все предметы по кандидатскому минимуму (осталось сдать диссертацию). Умница. За четыре года учебы закончил Литфак Педагогического института и аспирантуру. Получил назначение в Нальчик директором научно-исследовательского института<хотя были и другие заманчивые предложения из института языка и литературы, где проходил аспирантуру, был учеником академика Марра и тот «изъявил желание иметь его своим ассистентом»), но всем предложениям предпочел возвращение в Нальчик – на Родину, в любимую Кабарду. Со мной советовался, что лучше выбрать, и получив ответ «выбирай, куда душа тянет, где можешь быть наиболее полезный», выбрал Кабарду(признаться, ехать в большую деревню, где в прошлое лето я чуть не околела от скуки, у меня не было большого желания, но идти против его патриотического желания не могла). В апреле, оставив нас одних, выехал по назначению.

В апреле – мае принимал дела, знакомился с работой, изучал постановку работы института, кончилась беззаботная студенческая жизнь.

В конце июня приехал за нами и перевез в Нальчик. В первое время ни квартиры, ни мебели не имели. Жили при институте, выселили директора из кабинета, уплотнили сотрудников (благо их было несколько человек: директор, ученый секретарь(свободная вакансия, библиотекарь, он же – секретарь, бухгалтер, он же кассир и завхоз).

Одолжили мебель в ОблОНО и зажили настоящей семейной жизнью. Продолжаем жить замкнуто. С нами в одном коридоре жили Налоевы (поэт Джонсон, жена его русская, очень милый человек), но друг к другу не заходили, не общались.

Осень 1934 г.

Абдул много времени отдавал делам Института, подбирал сотрудников, Институт переехал в здание ОблОНО.

Абдул ездил в Москву, в Академию Наук, консультироваться по делам института и по вопросу диссертации. Готовили новый кабардинский алфавит на основе русских букв.

Привез «нам» подарки, что бы Вы думали? Огромный чемодан детских игрушек. И каких только игрушек там не было. Все, что надо для детей различных возрастов и обоего пола, начиная с погремушек, кончая пистолетами. (В течение многих вечеров отец и дочь, сидя на полу, играли, хохотали, спорили, пока малышку не укладывали спать).

Увидев многообразный «детский мир», я охнула, стала торопливо рыться в чемодане, в надежде найти что-либо существенное для себя, но кроме игрушек, в чемодане ничего не было, и пораженная таким мотовством, я сказала: «За эти деньги (т.е. потраченные на игрушки) можно было бы одеть жену с ног до головы: на что он виновато улыбнулся, и ответил: «Набирайся терпенья, будешь одета как принцесса!»».

После четырех лет студенческой жизни гардероб обоих, несомненно, нуждался в большом обновлении и пополнении. Да и в квартире хоть шаром покати, своего почти еще ничего не было. И его такое легкомысленное отношение к расходованию средств, несомненно, огорчало меня. Надо было руководить, и направлять его порывы. Забывался он только в командировке, где действовал безотчетно, бесконтрольно. Впоследствии из Москвы и Ленинграда он привозил все необходимое для семьи (по моему заказу). <...>

В эту осень Б. Калмыков проводил много митингов, встреч с различными категориями населения (собрания рабочих, интеллигенции и т.д.). проводил съезд стариков, колхозников, бригадиров, полеводов, качественников. Абдул дневал и ночевал со стариками, т.е. присутствовал на заседаниях съезда, в перерывах и по вечерам беседовал с делегатами, а среди них были люди с весьма интересным прошлым. Самому молодому старику было 86 лет, а старшему 137 лет. Абдул записывал их рассказы об истории возникновения колхозов, о победе Советской власти в Кабарде, много было хороших записей по истории Кабарды колониального периода, воспоминания о различных лицах и встречах.

Надо было видеть его в эти дни одухотворенного встречами, полным творческих дерзаний.

В результате напряженной работы опять заболели глаза (веки красные, точно обожженные), уговоры не помогают, отмахивается. Пришлось наказать. Объявила карантин на 3 дня. Закрывала в столовой (где нет книг и бумаг) с девочкой и игрушками, сама уходила на работу, они играли, к моему возвращению безмятежно спали, а по возвращении с работы уводила гулять или к родственникам. В первый день пробовал протестовать, возмущался моим «варварским» методам воздействия, а в конец объявил, что хорошо отдохнул и воспаление век спало.

В институте он изучал немецкий язык и знал его прилично. Стихи Гейне читал в подлиннике, а другие, т.е. малознакомые произведения читал со словарем.

Всю зиму изучал английский язык по самоучителю, а потом образовали группу для желающих писателей, разыскали преподавателя английского языка, которого оплачивали члены кружка, и изучали английский язык. Абдул упражнялся по разговорной речи.

Весна, лето 1935 г.

Ездил в Ленинград к академику Марру на консультацию по вопросу диссертации и нового алфавита (сохранили много букв, большое расхождение с русским алфавитом, а потому дискуссии).

Приехали Московские писатели (двое) с женами, фамилии не помню, по-моему, Тихонов Николай (с кем-то, не утверждаю). Писатели жили в гостинице. Вечера проводили или у них, или коллективно гуляли в парке.

С ними совершили экскурсию на Голубые озера на двух машинах.<...>.

Это лето было особо беспокойное. Все время приезжали ученые и государственные мужи из других государств, туристы.

Абдул совершал с ними поездки по республике, знакомил их с ее достопримечательностями, беседовал с ними, удовлетворял их любопытство. Посетил республику дель Вайо, член Испанского кортеса.

Почти целое лето и осень проводил на Зольских пастбищах с чабанами. Собирал материалы для фольклора (некоторые из них, например, вариант «Прикованного Прометей», были помещены в «Кабардинском фольклоре» на русском языке. Отпечатан в Москве, контрольный экземпляр поступил в Нальчик в конце 1936 г.). Собирал материал для словарей кабардино-русского и кабардинского. Готовил свой сборник стихов к печати.

Группа ученых и писателей, подготовивших первое академическое издание «Кабардинский фольклор». Сидят (слева направо): поэт и переводчик М.А. Зенкевич, профессор В.А. Дынник, директор КБНИИ А.К. Пшеноков, профессор Ю.М. Соколов, поэт и переводчик А.П. Глоба, председатель правления Союза писателей КБАССР Ж.М. Налоев; стоят: писатель С.М. Кожаев, филолог-переводчик М.Е. Талпа, писатель П.Д. Шекихачев

Переводил классиков русской литературы. Был переведен «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, но напечатать не удалось. Получился курьез. Пришел в гости один его «друг». Пока Абдул заходил и выходил, т.е. распоряжался о накрытии стола, гость из письменного стола стянул рукописи нескольких глав и сунул в боковой карман пиджака, рукопись большая, толстая, когда гость нагибается, концы листов высовываются, он краснеет (гость), бледнеет, поправляет пиджак, а при каждом движении злосчастные листы снова оттопыриваются. Еще в его присутствии узнали, что тут что-то не чисто. Когда удалился этот сомнительный друг, я ругала Абдула, что он шляпа и дал обдурить себя, я на его месте дала бы ему подзатыльник и спустила бы со второго этажа. На это он ответил: «Зачем? Разве он сам себя не наказал? Он же

чуть сквозь землю не провалился от смущения, да и я стал опытнее, буду знать с кем дружить, кого водить к рабочему столу».

Август – сентябрь 1935 г.

Жил без меня. Я лечилась в Теберде, в санатории для легочно-больных. За это время дважды приезжал проведать. Будучи в санатории, в весе прибавила мало. Зато по приезду домой поправилась хорошо. Успокоились нервы, была жизнерадостна, весела, глядя на щебетанье жены, радовался и он.

Осень. Сентябрь – октябрь 1935 г.

Кабардино-балкарские писатели провели первый съезд писателей Кабарды. Абдул выбран членом союза правления.

Кабардинские писатели приглашены на съезд писателей Черкесской республики. В числе приглашенных и Абдул, но по дороге в вагоне у Абдула стащили туфли (купленные только накануне), запасной обуви не было ни у кого. Черкесы пришли на вокзал встречать гостей, а один из них выходит на перрон в носках, и сидит в гостинице, пока не подобрали обувь.

У Абдула новая страсть: изучает цыганский язык. У московских букинистов выписал цыганскую грамматику. Выписал слова, сложил их в коробку, носит с собой, и по дороге зубрит.

Я говорю: «Лучше бы изучил татарский язык, хоть на моем родном языке говорили бы». Он немного знает балкарский язык и немного говорил с мамой по-татарски. Кабардино-Балкарский Обком партии и правительство проводили много совещаний передовиков различных отраслей сельского хозяйства.

Появились первые герои труда – кабардинцы и балкарцы. Чествовали их. Абдул был с ними, прославлял их труд в стихах. Приезжали ученые мужи – лингвисты, профессор Яковлев и Турчанинов, оба специалисты по кавказским языкам. Говорят по-кабардински (вернее, изучают).

Психологическая характеристика Абдула. Характер спокойный, выдержанный, миролюбивый, с большим душевным тактом. Способный, умный, энергичный, работоспособный, работал как вол, не щадил себя, неутомимый, настойчивый.

Голос слабый, срывался на высоких нотах, при больших аудиториях его не было слышно, поэтому он мало выступал. Память его отличалась особой остротой и точностью (знал наизусть много художественных текстов, стихов, поэм), чтобы выучить наизусть большие произведения, достаточно было прочесть два раза, и он безошибочно мог повторить.<...>

А у меня характер беспокойный, невыдержанный, резкая, языкастая, капризная, правдивая, вполне понятно, не легко было ему со мной, ох, не легко! Но он умел обходить острые углы, когда надо – уступал, был дипломатичен, всегда «обдуривал» меня и выходил победителем.

Слева направо: Марьям Шакировна Нуриманова, Майя Нажмудиновна Пшенокова, Мария Асхадовна Пшенокова (супруга Нажмудина). 1965 г.

Национальные обычаи, привычки, традиции в нашей семейной жизни не служили преградой. Главное мы оба были честными советскими людьми, воспитанниками ленинского комсомола, коммунистами, а потому были людьми нового склада, образа мышления и взглядов. Цели и взгляды. Намерения были одинаковы, вот это нас и сближало.<...>.

Мы жили на втором этаже (Кабардинская, 43) с верандой, обращенной в сторону главного Кавказского хребта. Он по утрам любовался искрящимися на солнце голубоватыми вершинами гор, восторгался их красотами и разнообразием, писал, воспевал их, глядя на вершины гор, предсказывал прогноз погоды за день, и повторял: «Я видел горные хребты, причудливые, как мечты...».<...>

Лето 1936 г.

Все организации и школы готовились к 15-летнему юбилею Республики и 19-й годовщине Октября.

Готовилась юбилейная выставка.

Абдул был ответственным за стенд «Кабардино-Балкарская наука и культура за 15 лет». Научный институт готовил научный труд на эту же тему.

В одном из октябрьских номеров центрального журнала вышла поэма «Октябрь в Кабарде» (какой журнал и чей перевод не помню), и сдали в печать вышеуказанный фольклор.

Писатели Кабардино-Балкарии готовили сборники стихов, прозы и т.д. Абдул редактировал их. Все лето и осень разъезжал по республике, организовывал обсуждение проекта новой Конституции.

На праздники их всех одели в черкеску (он был типичен). Праздники прошли торжественно. Нас пригласили на правительственный банкет, из членов правительства приезжал К.Е. Ворошилов (может, я путаю?).

Во дворце пионеров был общегородской вечер учителей. К столу был подан жареный молочный поросенок. По этому поводу Абдул острил, пересказал рассказ Чехова.

После праздников его направили в селение Плановское на полит. хоз. компанию. Приезжал домой редко, на короткие побывки.

Январь 1937 г.

Новый год встретили в складчину среди писателей, в доме у старого партизана Круглова. Вечер прошел тихо, скучно. Оставил тяжелый, неприятный осадок. Он напоминал скорее поминки, чем новогодний вечер. Ни музыки, ни танцев, ни смеха, ни остроумия. Да, все как будто боялись раскрывать рты, какая-то натянутость, напряженное состояние. Настроение подавленное. Даже вино не развязало языки, да и пили мало. Причиной такой подавленности служило то, что по республике и по городу начались многочисленные аресты, и это наводило ужас, страх, недоверие к окружающим. Разошлись рано. Каждый, наверное, был рад, что кончилась эта пытка. Абдул не любил фальшивые отношения, а тут поневоле пришлось мириться с фальшью членов компании, чтобы окончательно не испортить новогоднее настроение. Молчал, либеральничал. Потом ругал себя за либерализм, что зря согласился участвовать, лучше бы встретили новый год у себя дома.

9 января 1937 г.

День рождения Нелочки, ей уже три года, рассказывает стишки «Муха-Цокотуха», «Елка» и т.д., много болтает, пляшет. Забавная, хорошенькая.

Целый день ждала отца. Он в Плановском. Собрались гости. Ждали. Не приступали к еде. Прислушивались к каждому шороху. Он прибыл только в первом часу ночи, когда уже гости разошлись, и именинница видела седьмой сон. Испортилась машина, стояли в пути. Озяб, продрог. Никак не мог согреться, ночью заболел (простудился).

Всю ночь не спали, говорили об ужасных событиях, происходящих в городе, об арестах, ибо среди арестованных были наши знакомые, прекрасные люди и работники. Не верилось, что они могли быть «врагами народа». Сомнение и неизвестность смущали, волновали душу.

Абдул готовил меня ко всяким превратностям судьбы, заверял, что он ни в чем не виноват. Бетал его любит и верит ему, заступится, зря в обиду не даст.

Утром получил нагоняй от Звонцова (агитпроп обкома) за самовольный выезд из Плановского. Больной, расстроенный выехал в Плановское, где оставался до 9 февраля, т.е. до дня ареста.

**Март 1937 г.
Последняя встреча.**

*Надо в горестях окрепнуть,
словно каменный утес.*

Д. Гурамишвили

Один из мартовских дней 1937 г. Идет мокрый снег, сыро, холодно, противно, а в душе еще противнее. Меня вызвали к следователю НКВД Федорову Николаю Львовичу (Пятигорский) как свидетеля для дачи показаний. Я не из трусливых, но тут такой страх обуял меня, такая безнадежная тоска защемила все мое нутро. Взяла с собой ребенка, все живая душа, отвлекает от сути дела, да и в надежде, может, сумею добиться очной ставки, т.е. свидания с Абдулом, и пусть посмотрит на свою любимицу. После допроса (кто бывал, когда бывал, о чем говорили?) до привода Абдула следователь рассказал мне, что «Ваш тюлень ни в чем не виноват, но на него наговаривают, у него благородный характер, на события смотрит трезво, старается обелить всех. Но пока идет следствие, дальнейшее покажет» и т.д. А тут привели Абдула.

Был он одет в серую (*неразб. – И.К.*) рубашку (в такой холодный день без пиджака), без воротничка, без пояса. За месяц сильно оброс, густая борода покрывала почти все лицо, на фоне черных бороды и усов выделялись мраморно-белый лоб и горячие глаза. Он таким и запомнился на всю мою жизнь. Свидание длилось более 2-х часов. Федоров был занят своим делом, а мы пересели в противоположный угол от Федорова, и беседовали. Девочка сидела на коленях у отца, гладила его лицо и все спрашивала: «Папа болен, дядя доктор не отпускает папу домой? Да? Да?». А отец рассказывал о своем житье и бытье.

Находился он в одной камере с двумя колхозниками (фамилий не знаю), и в заключении этот жизнерадостный человек не унывал, не пал духом, остался самим собой, т.е. деятельным, работоспособным, вдумчивым. Не скучал сам, и не давал скучать друзьям по несчастью. В камере он просвещал колхозников, читал и переводил им прочитанное. Играли в шахматы (фигуры из хлебного мякиша, а доску заменяла обложка ученической тетради). Б. Калмыков разрешил выдать ему письменные принадлежности, и он писал со слов колхозников историю образования и развития колхоза (какого, не знаю), песни, легенды, народные сказания и т.д. Делился со мной своими планами на дальнейшее, т.е. если его не освободят, то в лагере заключенных хотел получить заочно техническое образование, в совершенстве изучить английский язык и написать роман о том, как и за что они пострадали. Был занят составлением набросков и подбором персоналий для будущего романа, и очень жалел, что не прихватил с собой наброски, а то почитал бы.

Во время свидания держался мужественно. Много шутил, подтрунивал надо мной, называл паникершей, Зайкой-трусишкой. Напоминал о декабристах и их женах, и спрашивал: если будет возможность, сумею ли я последовать примеру Волконской и Трубецкой, т.е. разделить судьбу изгнанника. Когда получил мой ответ: «С тобой хоть на край света, везде советская власть, не все

ли равно, где и кого обучать?» – очень обрадовался, гладил по голове и говорил, что другого ответа и не ждал. Утешал, успокаивал меня, а в случае, если он задержится в заключении, просил беречь Нелю, себя, и не забывать его.

На прощание приподнял девочку выше головы и поклялся, что совесть его чиста, ни перед Родиной, ни передомной ни в чем себя виноватым не считает. Это была наша последняя встреча, и последние просьбы, фразы его. Я очень верила ему, и ни капельки не сомневалась в его искренности, в его правоте. Нет, не жил он кривдой.

Умер 10 августа 1938 года.

Завещание Абдула исполнено. Дочь нашу я выходила, вырастила. Дала ей образование (окончила энергетический факультет политехнического института). Вывела ее в люди (работает в Госпроекте, инженер-энергетик). Не смогла только дать ей музыкального образования. Материально не под силу было. Она унаследовала от отца все лучшее, как внешне, так и по характеру. Кудрявые волосы (светлая шатенка), густые брови и ресницы, продолговатый разрез глаз, жгучий взгляд при гневе. Маленькие ручки с тоненькими пальчиками. Маленькие ножки. Правда, хрупкая, но женственная. Умная, до чертиков способная, миролюбивая, настойчивая. Если бы он мог видеть ее, он бы гордился ею. Именно такую он хотел ее видеть.

Мне очень горько и больно, что я не знаю, где он похоронен. Не могу посещать дорогую мне могилу, не могу носить любимые им три полураспустившиеся розы (красная, белая, розовая). Он сам мне дарил розы, только в таком сочетании.

Ташкент.

Май 1958 г.

Марьям Шакировна Нуриманова.

P.S. Брак наш не зарегистрирован, поэтому не Пшенокова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Кабардино-Балкарская... 1937 – *Кабардино-Балкарская* литература // Большая советская энциклопедия. Т. 30 (история – камбиформ). – М.: Советская энциклопедия, 1937. – 799 с.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский* фольклор / Общ. ред. Г.И. Бройдо. – Москва; Ленинград: «ACADEMIA», 1936. – 650 с.

Книга памяти... 2009 – *Книга памяти* жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария 1920-1941 / Сост. Н.И. Лафишева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.

Мамбетов 1976 – *Мамбетов Г.Х.* Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту пятьдесят лет (1926-1976). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 123 с.

Налоев 2005 – *Налоев Дж.* Литературное наследие (на каб. яз). – Нальчик: Эль-Фа. 2005. – 225 с.

Политические... 2017 – *Политические репрессии на Северном Кавказе (1918-1940). Историко-архивные материалы и воспоминания* / Авт.-сост. А.К. Шапарова. – Минеральные Воды: АО «Издательство «Кавказская здравница», 2017. – 824 с.

Сделавшие... 1968 – *Сделавшие первый шаг* (на каб. яз.) / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

Arkhiv IGI KBNTs RAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)

Kabardino-Balkarskaya literatura [Kabardin-Balkar Literature]. IN: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 30 (istoriya – kambiform)* [Grand soviet encyclopedia. Vol. 30 (istoriya – kambiform)]. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1937. – 799 p. (In Russian)

Kabardinskii fol'klor [Kabardin folklore] / Ed. by G.I. Broido. – Moskva; Leningrad: «ACADEMIA», 1936. – 650 p. (In Russian)

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. Kabardino-Balkariya 1920-1941 [Book of remembrance for the victims of political repressions. Kabardin-Balkaria 1920-1941] / Ed. by N.I. Lafisheva. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. – 552 p. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *Kabardino-Balkarskomu nauchno-issledovatel'skomu institutu pyat'desyat let (1926-1976)* [Fifty years anniversary of the Kabardin-Balkar research institute (1926-1976)]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 123 p. (In Russian)

NALOEV Dzh. *Literaturnoe nasledie (na kab. yaz)* [Literary heritage]. – Nal'chik: El'-Fa. 2005. – 225 p. (In Kabardian)

Politicheskie repressii na Severnom Kavkaze (1918-1940). Istoriko-arkhivnye materialy i vospominaniya [Political repressions in the North Caucasus (1918-1940). Historical-archival materials and recollections] / Ed. by A.K. Shaparova. – Mineral'nye Vody: AO «Izdatel'stvo «Kavkazskaya zdavnitsa», 2017. – 824 p. (In Russian)

Sdelavshie pervyi shag (na kab. yaz.) [Those who made the first step] / Ed. by E. Mashitlova. – Nal'chik: El'brus, 1968. – 377 p. (In Kabardian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Central state archive of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russian)

UTsDNI AS KBR – *Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Office of the Center for documentation of modern history of Kabardin-Balkar Republic's archival service]. (In Russian)